

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.9-11

БОГДАН СТУПКА, КИНО, ОДЕССА...

стр.4-5

ПонаУехали

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

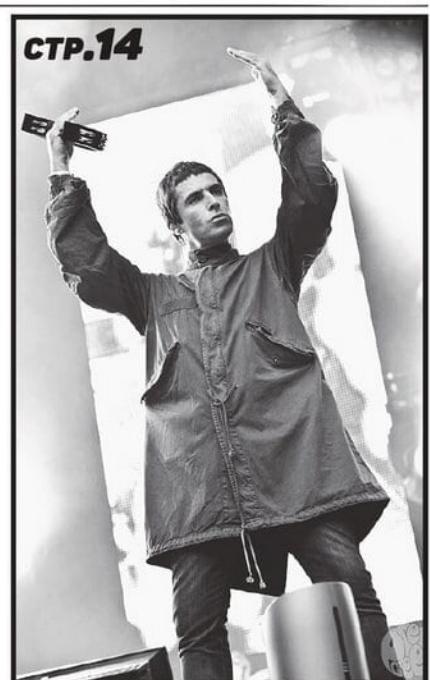
стр.6-8

ДЯДЯ МИША

стр.14

Гас Ван Сент: мастер
альтернативной реальности

ФИШТЕЙЛ-
ПАРКА

Дядя Миша

Геннадий Норд

Михаил Гулько — единственный исполнитель русской песни, которому «Нью-Йорк таймс» посвятила статью на две полосы. Дядя Миша дружил с Сергеем Довлатовым, выступал с голливудской звездой Лайзой Миннелли и пел для «красного миллиона» Арманда Хаммера. Он дружил с Аллой Пугачевой, Михаилом Шуфутинским и многими другими звездами.

23 июля этого года знаменитому русскому шансонье, почетному члену писателей Северной Америки Михаилу Гулько исполнилось...

Впрочем, это не важно.

«Поручик Голицын», «Синее небо России», «Господа офицеры» — эти песни, звучавшие с магнитных лент в середине восемидесятых, стали откровением для Советского Союза. Словно герои «Беглой гвардии» сошли со страниц романа Булгакова и поведали о себе, своем времени, той России. Образ певца сразу оброс множеством слухов и тайн. Никто не знал, как он выглядит. Было только имя — Михаил Гулько, и голос, который покорял своей искренностью.

— В твоем доме музыка звучала с детства. Но ты получил инженерное образование, работал по профессии. Почему же ты вернулся к музыке?

— На самом деле от музыки я никогда не бегал. Я родился в Харькове, перед войной. Мама была артисткой, великодушно пела и играла на пианино. Через нее ко мне пришли песни и романсы, да еще через старенький патефон с пластинками Петра Лещенко. Когда я научился играть на аккордеоне, то с удовольствием исполнял его песни, которые знал наизусть. Родители мечтали видеть меня инженером. Поэтому после школы я поступил в инженерно-экономический институт на горный факультет. Но музыку не забросил и с первого курса выступил на профессиональной сцене: в театрах, ресторанах, клубах. Играли в основном вальсы, польки. Танго был под запретом.

— Работа музыканта достойно оплачивалась и была хорошим подспорьем в материальном плане?

— Да.

— Чем тебя привлекла заграница?

— Не стану рассказывать сказки о том, как мне не давали творить, петь, что мне нравиться, зажимать и прочее. В Соединенные Штаты уехала моя dochь от первого брака. Я заскучал и понял, что должен быть рядом с dochкой, видеть, как она растет, взрослеет, участвовать в ее воспитании. Родных в России не осталось, и в 1980-м я уехал в Америку.

— Чем ты объяснишь свою стремительную популярность в СССР и русскоязычной Америке?

— Свой репертуар я начал собирать на Камчатке, где работал руководителем оркестра Камчатского морского пароходства и одновременно играл в ресторанах, на торговых и рыболовецких судах. В Штатах я пел для эмигрантов и гостей из Советского Союза. Мои записи провозились на родине сотрудниками Агентства печати «Новости», ТАСС, спортивными и дипломатами. Потом это все как-то необычно рас пространялось по всей стране. Песни, которые я спел, в Союзе считались запрещенными. Я пел сердцем, чтобы они получились откровенными и честными. Уважение к слушателю — одна из заповедей которой я следую всю свою творческую жизнь. Вернее, что-то получилось.

В Америке, помимо всего, в среде эмигрантов присутствовала тоска по Родине,nostalгия. И мне думается, что песни о России, чести, достоинстве, благородстве и любви легли на эту тоску, как бальзам на рану.

— Наряду с городским романсом у тебя вдруг вышел альбом с песнями военных лет. Это дань уважения, гордость или коммерческий проект?

— Слово коммерция и я — понятия несовместимые. Я больше трачу, чем зарабатываю. Выпуск одного альбома обходится недешево и никакой прибыли не дает. Что касается военного альбома. Каждый год, 23 февраля и 9 мая в Нью-Йорке на Брайтон-Бич собира-

ются иммигранты — ветераны Великой Отечественной войны, общаются, вспоминают погибших товарищес. Стало традицией, что на этих вечерах я исполняю песни военных лет. Со временем ветераны обединились в Союз ветеранов и инвалидов Второй мировой войны. Вот мне предложили записать военный альбом, в качестве подарка ветеранам.

Задача ставилась непростая. Я про слушал только более двадцати версий «Темной ночи» и других знаменитых песен 1940-х, постарался сделать собирательный образ. После чего надел военную форму, выпил стакан фронтона, сел перед зеркалом и начал петь. Песни выстроил в хронологическом порядке от начала войны до Победы. В результате, по словам критиков, получилась очень сильная вещь. Я получил много добрых отзывов от рядовых слушателей и даже от Мусыма Гагомаева.

— Ты не любишь богему, светские тусовки. Если не секрет, что ты любишь?

— Николай Бердяев сказал, что человек имеет священное право на одиночество. Я предпочитаю всей этой светской суете море, пляж и книги.

— Обязательно ли умный, популярный человек — обеспеченный человек?

— К сожалению, нет. Не зря говорят: «Люди, помогите таланту, бездар-

ность пробьется сама!». Многое зависит от воли случая, вероятности оказаться в нужном месте, в нужное время.

— Кто для тебя был примером?

— Я вырос на творчестве Петра Лещенко. А когда зазвучал Владимир Семенович Высоцкий — для меня был взрыв! Он перевернул мои целому поколению. Мне все равно сколько женщин он любил, главное — любил! Мне безразлично от чего он умер — я оплакиваю его до сих пор. Фоном его таланта была трагичная неизбежность, присущая всем великим поэтам. Мне почастливилось быть знакомым с королем цыганской песни Аленой Дмитриевичем, с которым дружил Высоцкий. Творчество этих людей, конечно, оказалось на меня влияние. Чье-то — в большей, чье-то — в меньшей мере.

В него была безнадежно влюблена Людмила Гурченко. «...Повернувшись к красавцу Голливуда Роберту Тейлору нечего было бы делать рядом с нашим Мишой Гулько», — написала Людмила Марковна в автобиографической книге «Аплодисменты, аплодисменты».

Михаил Гулько сыграл в нескольких кинофильмах, например, в комедии «Примадонна Мэри», где его партнерами были известные российские политики Валерия Новодворская и Константин Боровской.

В свое время сняли фильм лично о нем «Судьба эмигранта».

— Думал ли ты, что будешь петь со сцены Государственного Кремлевского дворца знаменитый «Окуро чек», написанный поэтом-диссиден том Юзом Алексеевским? Примеч под швал аплодисментов...

— В концертах у Михаила Танича, с которым мы вместе работали, я тоже мог исполнять «Окуро чек» или «Мурку», за которую меня когда-то в Москве чуть не уволили с работы и не выписали из квартиры. Между прочим, и с песней «Журавли» имел проблемы, ведь слова: «Здесь под небом чужим я, как гость не желанный» считались антисоветскими...

— Давай вспомним твоё детство.

— Родился в Харькове перед войной, несколько лет провел в эвакуации на Урале, в Челябинске. Моя мама была артисткой, а папа бухгалтером книгорга.

До революции мой дед шил форму для русской армии. Он был купцом второй гильдии, состоятельный иуважаемый человеком, имел добротный дом, но когда мы вернулись на родину из эвакуации, нам досталась крошечная комната в коммунальке этого дома.

Мама играла на пианино, а я к нему подходил лет с трех. Помню патефон с множеством пластинок.

После войны на базарах, куда мы ходили с ребятами, продавалось много трофейных аккордеонов. Играя на них, я как делал рекламу продавцам. Потом папа купил мне личный инструмент, меня часто приглашали исполнить что-нибудь. В основном, из репертуара Юрия Морфея или Константина Сокольского.

В старших классах школы начали играть на танцах. Позже в Москве, после выхода на экраны фильма «Карнавальная ночь», я давал концерты с Люсией Гурченко — она пела, я аккомпанировал...

— Читал в детстве много?

— Да.

С Людмилой Гурченко

С Аллой Пугачевой

С Лайзой Минелли

— А что?

— Детективы о майоре Пронине, романы Ремарка, классику, естественно: Лескова, Куприна, Шишкова с его «Угрюм-рекой»...

— Музыка, литература, а учиться пошел в технический ВУЗ.

— Родители настояли, чтобы я шел в технический вуз. Правда, оттуда меня отчислили.

— За что?

— За то, что отказался поехать на сельскохозяйственные работы в колхоз. Причем «отказником» я стал перед самой защищкой диплома. В общем, из комсомола меня тоже исключили с формулировкой: «За поведение, недостойное советского студента». Следом за ректорским приказом об отчислении студента-выпускника пришла повестка из военкомата о призывае в армию, но к тому времени я уже был офицером запаса.

— И как же дальше?

— Перевелся на горный факультет Московского политехнического института, после учебы вернулся в Украину. Работал горным инженером.

Двенадцать лет отдал горной промышленности. На шахтах я почти все работы перепробовал. Спускался на тысячу метров под землю в узеньком лифте, в котором помещалось два-три человека. Клетка эта практически без дверей — они не нужны, ведь ствол шахты такой узкий, что выплыть не дает.

— Случалось в подземелье такое, что во второй раз лезть не хотелось?

— Всакое бывало.

— А как же музыка?

— В Харькове меня знали все ресторанные музыканты, ведь я всю жизнь пел на свадьбах, днях рождения, праздничных вечерах. Уехавшие на севера земляки стали соблазнять и меня: мол, приезжай, вместо своих 150 рублей на материк будешь получать 300. Куда только меня не приглашали: в Магадан, Мурманск, Братск, на Колымский полуостров, в порт Ванино. Ничего не хотел — у меня как раз дочь родилась, я спокойно работал инженером, по вечерам выступал в ресторанах. Был обеспечен материально и удовлетворен морально, но однажды понял: тот край манил и меня.

— Захотелось тихоокеанским воздухом подышать?

— Поехал не из-за денег — скорее «за туманом». Были допуски в тот режимный район, где граница, японцы, атомные подводные лодки, поэтому разрешения выдавали быстро. На Камчатке меня сразу же пригласили в отдел культуры обкома компартии и сказали: «Инженером много, а музыканты и артисты здесь нужны как идеологические работники. Будете поддерживать дух моряков, которые уходят на полгода в рейс, а за это время у них рушатся семьи...». Поздравляем, Михаил, вы назначены руководителем ансамбля Камчатского морского пароходства».

— Ансамбль-то был ресторанным?

Не странно получить обкомовское распределение в кабак?

— Ресторан «Океан» в Петропавловске-Камчатском считался своего рода

С Махмудом Эсамбаевым

С Юрием Никулиным

профессиональным клубом, ведь туда приходили только моряки: военные, с рыболовецких сейнеров и торговых судов. У меня был свой коллектив из пяти человек: барабанщик, басист, пианист, вокалист и органист. Иногда отправлялись в командировки, обеспечивая культурную программу для моряков прямо на бортах: шли Охотским морем до бухты Нагаева, в Магадан.

— Ты встречался в Магадане с Вадимом Козиным?

— Когда мы пришли в Нагаево, нам показали городскую достопримечательность — квартиру «врага народа» Козина, арестованного, лишенца, не имеющего права покидать черту оседлости Магаданскую область.

Кстати, после меня к Козину приезжали представители Моссовета: мол, Вадим Алексеевич, вас приглашает страна, Россия вас ждет. Знаменитый певец сказал: «Буду жить, где живу».

— В столице в то время как раз шли очередные гонения на деятелей культуры, выявляли и изгоняли с руководящих должностей тех, кто не имел формальных документов об образовании, а у тебя они были?

— На Камчатке я окончил дирижерский факультет музыкального училища, что дало мне право взглядывать несколько вокально-инструментальных ансамблей, в том числе известных в те годы «Эрмитаж», где работали великолепные музыканты.

— Ходили слухи, что Гулько — последний белогвардеец, что ты помышлялся по тюрьмам и лагерям...

— Это потому, что я записал целый цикл песен о белой гвардии, эмиграции, местах заключения. Никогда не сидел, но в колониях выступал часто. Там приезд артиста — огромное событие.

— Теперь давай об эмиграции.

— После переезда в Москву все стабилизировались, но тут дочка Леночка с первой супругой эмигрировали за границу. Через некоторое время дочь по-

звонила из Америки: «Папа, приезжай». Она привыкла, что отец всегда где-то рядом. Разлука с ней меня просто подкосила. Решил ехать. Тогда как раз выпускали, правда, в одну сторону. Так очутился в Нью-Йорке. Окончил одногодичный компьютерный колледж, думал, к музыке у же не вернусь:

Но все же решил поискать работу музыканта. Садился на велосипед, обезжал окрестные кабаки. Сначала по советской привычке приходил к руководителю оркестра и спрашивал, нужен ли певец, аккордеонист или клавишник. Всезда отвечали: «Нет, спасибо». Хорошо, что мне подсказали: нужно сразу идти к хозяину ресторана.

Первое заведение, куда я попал, называлось «Скрипач на крыше» — его держал, пока не разорился, иммигрант послевоенной волны Федор Иванович. Через некоторое время меня пригласили в другое место — уже в русском районе. В Нью-Йорке для меня началось самое главное: я стал выпускать кассеты и грампластинки: «Синее небо России», «Сожженные мосты», «Песни военных лет». У людей к нам появился большой интерес, запись переправляли в Россию.

— А как ты все-таки попал первый раз в Россию? Ведь эмигрантов защищали.

Высоцкого тоже запрещали, но все его слушали. В 1993 году, когда я уже обвел Европу, встречался в Нью-Йорке с Магомаевым, Пугачевой, дружил со всеми советскими звездами, в США прилетела делегация московской мэрии: Юрий Лужков, его заместитель Владимир Ресин. Меня пригласили в Москву как почетного гостя, и я туда поехал впервые после отъезда.

— Сердце дрогнуло?

— Конечно, я был под большим впечатлением, особенно, когда вспомнил, как уезжал, а на меня смотрели волк.

Теперь же встречали с цветами и коньяком, как героя. Столько внимания! Попал

в руки главных лиц Москвы, поселили в прекрасной гостинице, даже выступать не давали: «Миша, пусты поют за вас...».

— Ты можешь заплакать?

— Слезы это эмоциональная реакция, когда я слушаю песни, например, Владимира Семёновича Высоцкого. Это Бог, и не только для меня! С первых дней я понимал, что он гость в нашем мире и не может оставаться на земле долго. От его песен могу плакать и смеяться одновременно.

В австралийском Сиднее на концерте для детей офицеров Белой гвардии и инженеров Китайско-Восточной железной дороги мэрия просила войти в рой, надев папаху и мундир. Когда я запел: «Господа офицеры, я прошу вас учесть, кто берет свои нервы, тот не спас свою честь...», люди в зале застыдали. Я увидел платочки в руках русских женщин, и едва смог продолжать. Они ведь плакали о своих расстрелянных отцах.

— А что за история случилась с Юрием Кукиным, которого тебе пришлось ставить на ноги после автомобильной аварии?

— Не успел Кукин прилететь в Нью-Йорк, как кто-то врезался в его автомобиль. Ну, как советскому гражданину обратиться в американскую клинику? Пришлось пособствовать. Впрочем, вечером мы уже пели.

А познакомились мы еще на Камчатке. Ночью меня вызвал швейцар гостиницы, сказал, что спрашивает какой-то бомж. Я увидел усталого мужчину в телогрейке: небольшого роста, с опущенными веками. Там все друг на друга похожи — метель, холод, снег. Незнакомец представился Юрием Кукиным. Тогда он и подарили мне песню «За туманом», а потом вспоминал, как на Брайтон-Бич Миша Гулько превратил его гимн туристов в «песню интуристов».

Окончание на с. 8

С Анжеликой Варум и Леонидом Агутиным

С Геннадием Нордом

С Николаем Карабенцовым

Окончание. Начало на с. 7**— Тебя часто называют дядя Миша. Почему? Даешь жанру?**

— Нет. Так меня называл Михаил Круг. Вот с его легкой руки и приклеилось. Но я не против. Это даже сближает.

— Давай вернемся к эмиграции. Как ты уезжал?

— Путь любого эмигранта начинался с таможни в Шереметьево-2, и существовала инструкция, что можно провезти, а что нет. В Москве незадолго до отъезда у меня оказались на руках вещи, которые, к сожалению, я никак не мог из Союза вывезти: шикарный немецкий аккордеон «Хонер», папины золотые часы «Омега» и еще кое-что из дорогих моему сердцу мелочей. Сегодня провезти такие не составляет никакого труда — декларируй и лети! — но тогда...

Что было делать? — и тут сама судьба послала мне выход из ситуации. Я в ресторане «Времена года» работал — место неспокойное, с дурной славой, однако о репутации заведения знали не все, и иногда туда приходили даже иностранцы, потому что в парке имени Горького был единственным едва ли не во всем Союзе кегельбан.

Однажды вечером в зале появилась очень красивая пара: высокий худой работник посольства Нидерландов голландец Иохан и его спутница с ногти-бальная русская девушка Лариса. Они оказались чудесными ребятами, со временем мы подружились, и некоторое время спустя Лариса и Иохан пришли ко мне счастливые: «Миша, поздравь нас, мы расписались и скоро уезжаем в Амстердам». «Вот он, шанс!» — подумал я и, объяснив ситуацию с предстоящей эмиграцией, обратился к Ларисе с просьбой взять с собой мой некитрый скрип. Она с легкостью согласилась...

После выхода моей дебютной пластинки «Синее небо России» меня пригласили с концертами в Берлин. На следующий день после концерта я позвонил Ларисе. «О, Миша! — прозвучал в трубке ее радостный голос. — Ты где? В Берлине? Так это же от нас всего час полета — приезжай, когда захочешь».

К вечеру меня встречали уже в Амстердаме и передали все в целиности и сохранности.

— Знаю по себе, что отъезд связан с большими бюрократическими препонами. Ты тоже с этим столкнулся?

— Конечно. Еще был пресловутый железный занавес. Как все эмигранты, столкнулся с советской бюрократией. Каждый выезжающий мог взять, например, пару комплектов постельного белья, две бандочки черной икры, несколько матрешек, посуду и так далее, а книги и мебель надо было заранее высыпалить с одного из московских почтамтов. Помимо патимитом Ильфа и Петрова отправил, так самый интересный том с «Золотым теленком» пропал. Что интересно,

в тот день в очереди на отправку вместе с одними стояли певица Нина Бродская и другие известные музыканты.

— Как тебя Америка встретила? Не ждала?

— Кстати, она ждала всех. Сначала в Вене мне предложили в Израиль лететь — в связи с тем, что у меня израильская виза, выданная через голландское посольство, была, а раз doch в Нью-Йорке, пригласили и американцы: Толстовский фонд, «Каритас» — крупная католическая организация — и ХИАС — еврейское общество, которое обеспечивало приезд, давало в долг деньги, и благодаря им, можно было на первых порах продержаться. Это очень здорово, между прочим, потому что человек без языка и, считай, без профессии — кому он нужен? В Союзе я уже был фирмой, иностранницей, и думал, что в Нью-Йорке тоже это исполнять буду: не-е-ет, там наша аудитория — русские, и они русских песен хотели, «Журавли» слушать, плакать, по Родине тосковать — вот и начались «Синее небо России», «Поручик Голицын». Это караул был! Я увидел, что с людьми происходит, когда в ночных заведениях начали работать.

— Когда увидел Брайтон-Бич, тебе не стало плохо, как в свое время Михаилу Шуфутинскому?

— Нет, потому что сразу не на Брайтон-Бич приехал, а на Ocean Parkway — с мамой и со второй женой. Начал изучать английский, пошел в колледж, чтобы освоить компьютер, — и принял это как данность.

— В Америке ничего тебе не раздавало?

— Нет, и даже ностальгии не было. Я знал: еду в нигде — спасибо, что дали

С Эдуардом Амчилавским

на дорогу, на квартиру, медицинскую карточку выдали и представили возможность язык выучить! Я мог на побои оставаться, пока не найду работу, и мне стали подыскивать место — по инженерной специальности, но пошел работать в кабак в Квинсе. Как сейчас помню, называлась он «Танго», и там меня взяли, сфотографировали и поместили в газету — с аккордеоном и подписью: «One Man Show!» (мол, человек-оркестр Миша Гулько)... Меня тут же сняли с пособия, за одну долю секунды, и это был, как говорят сегодня в России, шок.

— Когда ты впервые на Манхэттен попал, увидел небоскребы...

— Не видел я их! Даже головы не поднимал. Только на уровне глаз все наблюдал, а то, что выше, нереальным казалось. В общем, тоже шок, но ничего, скучал все как положено. Наверное, потому, что прошел Москву, — это все-таки школа жизни большая.

В Москве я жил так: ночью встреча с однокурсниками, днем — с другими, на разном уровне: с помощью выступлений полезные заводить знакомства, и выменять первую квартиру, и потом купить кооператив было очень легко. Я ведь, с Камчатки вернувшись, сразу в крупнейших московских ресторанах и в «Интуристе» работать стал, потому что имел допуски, а потом от Москвы ездили петь и играть в Сочи и Ялту — уже как интуристовский музыкант.

— Так ты в хороших ресторанах играл!

— То, что я делал, как мне объяснили, мало, кто мог: я играл, пел, вел концерт, что-то сочинял и рассказывал — да за это ведущие больше артистов, оказывается, получали. К тому же, десятки песен исполняли наизусть, живьем, на следующий день — другие, то есть все, что закажут.

— Так ты в хороших ресторанах играл!

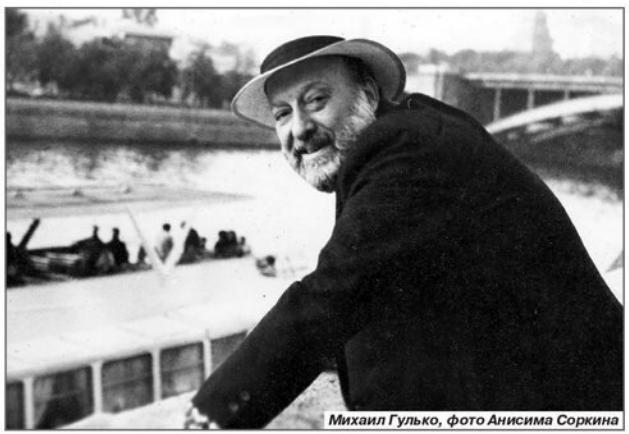
— То, что я делал, как мне объяснили, мало, кто мог: я играл, пел, вел концерт, что-то сочинял и рассказывал — да за это ведущие больше артистов, оказывается, получали. К тому же, десятки песен исполняли наизусть, живьем, на следующий день — другие, то есть все, что закажут.

Вот такие были времена...

С днем рождения, дорогой наш земляк!!!

Желаю здоровья до 120!

Алик Соркин

Михаил Гулько, фото Анисима Соркина